№ 54 (93). Второй год изданія. Цѣна 30 к. в провинціи 35 к.

Адрес редакціи и конторы: Николаевская ул., д. 26. Телефон 128—29. Секретарь и кассиръ редакціи принимаютъ ежедневно, кромѣ воскресеній, в понѣдѣльникъ редакція с 5—7 ч. вечера. Контора редакціи открыта с 10—12 дня, с 5—7 ч. вечера.

БУРЕВѢСТНИКЪ

ОРГАНЪ ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХЪ ГРУППЪ.

Условія подписки. На 1 мѣсяц . . . . . 5 р. . к. На 2 . . . . . 41 „ 25 „ Перемѣна адреса 40 к.

Подписка принимается в конторѣ редакціи „Буревѣстника", Николаевская 26 и во всѣх группах федераціи.

Подписка принимается на ежедневную газету только с 1-го числа.

Среда, 3 (21) апрѣля. ЕЖЕДНЕВНО. 1918 год.

Собраніе издательскаго отдѣла при „Буревѣстникѣ"

в четверг, 4 апрѣля, в 6 ч. вечера.

Районы и анархическія группы приглашаются прислать своих уполномоченных.

Предметы обсужденія:

ИЗДАНІЕ АНАРХИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: брошюр и книг.

ИЗДАНІЕ ЕЖЕМѢСЯЧНИКА.

Петроградская Ассоціація Пананархистов

(Союз Пяти Угнетенных).

Открываются безплатные курсы по новѣйшей философіи.

Первыя три серіи лекцій будут прочитаны тов. Гордиными (Вр. Гордины).

Первая серія: **Исторія религіи** (От Вед до Евангелія. Зарожденіе. Процвѣтаніе. Упадок).

Вторая серія: **Исторія науки.** (Зарожденіе. Процвѣтаніе. Упадок. От Бэкона до Джекса).

Третья серія: **Новая философія, пантехникализм.** (Отрицаніе религіи и науки. Отрицаніе космогоніи и причинности. Отрицательный сенсуализм. Торжество техники). Первая лекція состоится в воскресенье, 7-го апрѣля в 1 ч. дня.

Запись на курсы производится ежедневно в редакціи газ. „Буревѣстник", от 12 ч. до 3 ч. дня у тов. Гефсэ.

Петроград. 3 апрѣля 1918 года.

Мы переживаем такой не-бывший (комунистов). Давно-род нашей историческій уже П. А. Кропоткин указ-жизни, который можно на-зывал, что анархическая звать временем недорозумѣ-коммуна должна быть, на-ній и невѣроятной путаницы худой конец, такой едини-понятій.

Одним и тѣм же именем-рик с двумя прилегающими называются теперь рѣзко-нему департаментами (ту-противоположныя ученія, хо-берізмів).

тя бы ученіе правых социа-листов - революціонеров и комунуб меньшей величины, большевиков - коммунистов, чѣм комуна, охватывающая Большевики-коммунисты на-населеніе всего земного-зывают себя также, как шара, но начинает свое-называются анархисты, но, строительство снизу, при-судя по книгѣ их идеологічем, чѣм населеніе будет-ем и Энгельсом, то, быть-т. Ильина (Ленина), их ком-наша комуна, тѣм крѣпче-может, партійныя. Такти-муниям имѣет черезчур чѣм скорѣе она сяжется-ческія соображенія и пред-мало общаго с нашим ком-и сольется на полных пра-мером называть марксиз-мунизмом. Только в туманѣ-вом ученіе революціонеров-чалах равенства с другими борющихся против государ-градущих десятилѣтій, а, коммуніи, тѣм скорѣе мы ства старо-буржуазнаго типа может быть и столѣтія, достигнем нашей цѣли. авторитетами, своеобразное-сильно преклоненіе передо-ство полуопоясковстве перед Марк-

Не вѣрно, конечно, и то, ственной смертью их „со-что мы хотим отнѣнить со-циалистическое" государство, временное государство. Де-они станут коммунистами в-вретом, что-ли мы хотим нашем смыслѣ этого слова-отнѣнить его? Но вѣдь мы-

Исторія иногда повто-законов, их декретов анар-

КНИГА ИМѢЕТ

Листов считая	Всего	Въ приход. отдѣл. соед. Пяти Угнет.	Годъ	Кат.	Инвентар.	Отдѣлъ	Дата выдачи	1870 г.
		1918						

053-38, 58+62

115/1-20000

84-65, 67-6 (1)р 1669 292

ученіе революціонеров-коммунистов, которое, как мы думаем, должно быть, что анархисты XX-го-нимо полное уничтоженіе-отношеній, политическій, должно-женія государства необхо-

статьи не считает анархи-стом и который никогда не-

Мы же не помирися на-листов - революціонеров и-комунуб меньшей величины, большевиков - коммунистов, чѣм комуна, охватывающая Большевики-коммунисты на-населеніе всего земного-зывают себя также, как шара, но начинает свое-называются анархисты, но, строительство снизу, при-судя по книгѣ их идеологічем, чѣм населеніе будет-ем и Энгельсом, то, быть-т. Ильина (Ленина), их ком-наша комуна, тѣм крѣпче-может, партійныя. Такти-муниям имѣет черезчур чѣм скорѣе она сяжется-ческія соображенія и пред-мало общаго с нашим ком-и сольется на полных пра-мером называть марксиз-мунизмом. Только в туманѣ-вом ученіе революціонеров-чалах равенства с другими борющихся против государ-градущих десятилѣтій, а, коммуніи, тѣм скорѣе мы ства старо-буржуазнаго типа может быть и столѣтія, достигнем нашей цѣли. авторитетами, своеобразное-сильно преклоненіе передо-ство полуопоясковстве перед Марк-

Не вѣрно, конечно, и то, ственной смертью их „со-что мы хотим отнѣнить со-циалистическое" государство, временное государство. Де-они станут коммунистами в-вретом, что-ли мы хотим нашем смыслѣ этого слова-отнѣнить его? Но вѣдь мы-

Исторія иногда повто-законов, их декретов анар-

государственной власти, то-щущем идеала, немедленно есть злоупотребленія сило-приняться за работу для

Революціонно уничтожив-немедленного же его осуще-собственность, народ уни-ствленія.

тожает тѣя самыя и госу-Разница между ними и дарство, а уничтожив гос-новосоврешенным комму-дарство, уничтожат и соб-нистами в том, что послѣдніе ственность — злоупотребле-являлись революціонерами, по-ніе. скольку дѣло идет о разру-

Конечно, и большевики-шеніи форы буржуазнаго мечтают об анархіи, ко-государства, становятся эво-торый появится на смѣ-люціонистами,—постепенов-когда умрет от истощенія ными по скольку дѣло идет их государство, но вѣдь это о разрушеніи „полусоціали-ожидать-таки—событіе отда-стическаго" государства и леных времен, что-то ватяжения частной соб-родѣ мечтаній о царствіи ственности на основной и небесном. оборотный капитал. Идясь

А пока, несмотря на ра-дательно бы познакомиться цитат, которыми т. Ильин серьезными доводами и доказывает, что марксисты, пользу такого двуличія. как раз и являются анархи-Интересно бы знать, по стами-коммунистами, а анар-чему рабочія массы считаются хисты - коммунисты придер-большевиками не „дозрѣв-живаются детских (отнюдь шими" до анархо-коммуни-ими не исповѣдуемых, по стическаго общества. слову сказать) канонов, и-

Говоря же практически, остаемся при убѣжденіи, что-бы большевики-коммунисты оза-даже большевики Ленин-бочивались сохраненіем своего ской, так сказать, школы, чего-нибудь их теорій на быть может, будут лѣт че-отдаленное время, а пока рез 50 анархисти-комму-они о коммунизмѣ, не как нистами, а теперь они пыта-о задачѣ дня, а как о чем то ются с ними черезчур мало об-отдаленном, естественно, щаго. Мы остаемся при-должны от революціи (ко-держимости того, что настоя-торая - революція и между щее время, анархисти-коммуни-марксизм, марксизм, осно-стами, революціонерами на-ванный не на отдѣльных стоящаго времени и часа-фразах и мыслях (навѣян-ми между ними бывшими ре-ных со стороны), а покон-волюціонерами анархистами щійся на марксистском мате-коммунистами отдаленнаго діалистическом пониманіи будущаго, развернется не-исторіи, на ученіи Маркса проходимая пропасть. о сосредоточеніи капиталов-

Теоретик.

падении „прибыли, на прин-ципѣ марксистами теорія кри-зисов, то - есть, марксизм, исповѣдуемый меньшевиками соціал-демократами, как раз и является „истинным марк-сизмом".

В чем спасеніе?

Власть партіи большевиков все болѣе и болѣе становится государственной, хотя и „соціалистической" власть-ю, но власть все болѣе и болѣе становится противоборной с идеалами партіи, с стремленіями нашей революціонной власти. Как власть партіи большевиков может дѣйствовать только тѣми средствами, которыя приняты всѣми власть имущими правительствами. Как и всякая власть, большевистская власть, хотя она и есть исполнительница воли народа, должна прежде всего стремится стать властью, она стремится стать властью, для чего она и вынуждена, вопреки своим принципам, она стала проводить политику, которая ведет ее к гибели. Власть большевиков не может быть властью народа, но исключительно властью, которая все

тогда она должна перестать быть властью, ибо это будет самоубийством ее, как власти: она будет одним путем, общей путь всякой власти, и, какою бы идеальной она ни была, какие бы высокие цели ни ставила она — или не достигнув этих целей, остановится, если она сильна, остановит массы и тем погубит революцию, или погибнет сама, сметенная стихийным движением масс.

Пока власть еще сильна, пока она еще идет твердо по своему пути власти.

Буржуазия это видит и чувствует, и чему оно может повести. Буржуазия уже поднимает голову, уже аплодирует, предъявляя тихой, робкой революции, мечтам о спокойном счастьи права, или даже права, а пока что старалась использовать в своих интересах и существующую власть.

Но вёртится, что этому не бывать.

Революция пустила слишком глубокия корни, для масс ясны цели и она не допустит ее гибели. Мировая обстановка как раз способствует широкому развитию революции. Быть может, что это развитие и шире пойдет медленнее, чем шло развитие нашей революции в глубину, быть может и нам придется еще много испытать, еще сделать кое-какие ошибок, еще сделать кое-какие ошибок, но цель революции — действительное освобождение угнетенных, действительное равенство, довольство для всех, действительная, анархическая коммуна (а не директория — становится все более и более и никакая власть не остановит масс от достижения этой цели.

Он.

ОБЗОР ПЕЧАТИ.

„Правда" капитулирует. Красная эмблема преклоняется, сдаются „красные пушки". Противники становятся „честными противниками". Растет примиренчество, политика советской власти начинает ей тому. В каких формы он отольется покажет грядущее.

„День" пишет:

Революция разбита... Революционная демократия повесила красный флаг, но ее не боятся, ее не боялись, неоппозитно ошиблась, подрезала свои корни, вырывала оружие, губила армию, разрушала страну — словом, не выдержала испытания. Мы знали и во всякий случай теперь знаем сметь своим грехам.

Близок час когда черным волны реакции нахлынут и снесут все достижения. В перед лицом грозной опасности, в часы тяжких испытаний надо прийти все способное спасти страну и народ.

И это сделает, это сделала русская буржуазия(*).

Буржуазия, осознавшая свои силы, чувствует, что стоит ей только пожелать власти, для достижения ее, для полного погашения в себе гибельных революции, она должна расположенных массой, для полного подавления сознательной части пролетариата большинством класть сильною, для чего она должна пойдет по пути уступок и демократических завоеваний рабочего класса.

Мы боимся расказывать Милюкова от большевиков и „умеренных". Сам, превратившихся в „соглашательство" Церетели. Мы опасаемся, как бы возобновленные большевиков соглашатели вместе с водой не выплеснули из ванны ребенка.

С каких это пор с.-р. стали сторонниками революции. Не со вчерашних-ли?

„Современное Слово" возмущено, „Кризис", о котором так много шумели и писали, оказывается, вовсе не четвертованным. Растет производительность. Возвращаются столовались.

И чтобы скрыть внутренний развал, провозглашают: внешне Луначарского „внешне частное".

Но где же и в чем ручательство, что завтра г. Луначарский не займет столь же рвшительную, что утверждение г. Зиновьева, что частное внешне посягнуло, и всепрощение буржуазии протягивает руку меньшему, забудущему брату. Где идиллия-ка?

Как сейчас нам такая фантазия. Однако, что же такое эта идиллия г. Каиторовича.

Сейчас наивность или безсознательная наглость?

Евг. Чернозаменский.

Еще о смертной казни.

Убийства, которыя называются смертными казнями,—это прежде все наследие татарщины, кнаете царской и царской власти,—продолжают поморять нашу страну. Мы не раз говорили против применения этих наказаний, против мести, обрушиваемой правителями на „преступников", которых как раз и создает государство с его законами грабежами поимущих; мы не раз будем повторять этот протест, видясь на новые убийства, на то, что безчеловечный из видов правительственной мести—смертная казнь—человекоубийство—не будет ограничивать местозла нашего города провозе; надеемся и что будет положена предел этому кровавому безумию.

Смертная казнь, это—убийство человека людьми же, предумышленное убийство человека, которое не может защищаться, у которого отняты все средства самообороны. Убийство предумышленное убийство, у которого отняты все средства самообороны. Убийство

Себя и небо.

Сходитесь ближе! Тёснее встаньте!
Во тьмё ненастной друг друга раньше!
Зовет свобода—всемирным зовом—
Земля гудит... Заря багрова—
Убейтесь сю!

Напились люди? Уж нас немного.
Теперь вы братья святого бога,
Пока живое—сожмите груди!
Сойдитесь ближе и ...сейтесь, люди!
Вы бились долго.

Но если братство не наступило.
И сердце в битвё уже застыло,
Идите к солнцу... Идите ближе—
Где небо божье, где небо ниже—
Возстаньте снова.

Живите смертью. Дышите кровью
Любите трупы живой любовью
Они бессмертны... Они возстанут,
В последней битвё вас не обманут
И будут с вами.

А вы, живые, сбёгайтесь ближе—
Где солнце ходит к землё пониже,
Прижмите к ранам земли—руки,
С лучем скрестите свои мечи—
Последний раз.

Последний раз возстаньте, братья!
Возьмите трупы вы свои объятья,
Смёшайте солнце с земною кровью,
Убейте небо земной любовью—
Себя и Небо!

Павел Бутков,

Явления или неприятия слепы, слепы обиды, которыя роднят обреченных на непобёдимую смерть, слепы его, как очищает искоренение. Мученичество, которое страдает убивающий, вступает ему и палачи—распорядители—судьи, и палачи душащие или растрёливающие обреченных — убивают человека, который внушает страдание.

Страшна предсмертная мука человека, насильственно разлучаемого с жизнью. Если и можно сравнить ее, то только с удушением, мукой и тоскою заживо погребаемого, пресыщаются в гробу могильщик и запрасно стучащимся в крышку гроба. На один убийца не причиняет убиваемому столько мучений, сколько причиняет злой жертвой судьи-человекоубийца. И что, кто мужественнее—тот, кто бравирует перед смертью, и тот, кто, не выдержав, обращается за палача и борется с ним—всё таже трагедия.

Вспомните письма осужденных на смерть: сколько скрытой тоски в письмах самых мужественных из самых спокойных их. При очень ярких для убийство из-за денег—плату крова. С этой

Записки черносотенца.

(Как я стал анархистом).

(Продолжение*).

Убийство.

Сперво и жил. Водку, как воду, лакал с двоюми пугался, пёсни плохие пёл. Совсём не так жил, как старики учили. Еще хуже: сбёгаюсь на погромы бил; он только голову прикроет, а я—пиф! безчувственный—лежит. У рабочих кусок хлёба вырывал, за кущов толстопузых против своих братьев шел, когда трудящиеся за жалую плату работать не хотели. Погашки книжки имел: сколько раздавал, сжущал темный народ. Вёрил, как нас служил. Наступили времена народа русского пёсни: сам мужик, земли и воли для мужиков земля.

Правда—по глупости все это, да вёдь глупость то моя—самая, что ни на есть, подлая была. Всего и не перечтешь, что я натворил. С каково сколочью путался! За какую сколочь стоял, какой сволочи служил! Поёрнуть-ли? Как вспомню, так вида в краску бросит. Всего не перескажешь....

А пол конец шутили-таки меня в кровавое дёло. Получил я приказ от самых жалных господ в нашем сокоп въёхать в другой город. Дали денег, с сёмью и скотом (не такое, как я носил). Ну, хорошо, прёхал я, куда было мне отвалено, и стал я в новом городе жить. Дали мне дом, лошадей, коров, птицу, инвентарь, жалёнье положили, в чайную, а там меня уж ждали. Повели меня не квартиру. Смотрю я: сосём другой народ, чём в нашем городе в сокой состоит. У нас все больше голь кабацкая была да иной раз тот такое дурачье, как я, в сокой путались, а тут вижу—все господа и, как будто, не сёмьями. Пробуют они по нашему, по простому, говорят так, а сами и оддёнется просто, а все не видно—по ихнему разговор, не наша одежа.

Ну, конечно, без водки и здёсь не обходилось. Только новые знакомые все меня напаивали, а сами все больше прибутомали.

Прожил я дней пять, а зачём прёхал,—не знаю.

Познакомили меня с двумя молодцами. Их, как меня, из других городов выписали. Одним парень—надо прямо говорить—был. По-всем таки, как раз ничего не понимает. Накрасили ему ногти да спать заваливался—больше ничего ему и не потребуется. Даже напростом себя не называл. Говорит: раньше калдаром служил, да сам не знает, что калутал и его где-таки—за глупость его высадили.

Другой—ну, это совсём особый молодец был, этот все до тонкости понимал. Когда с ними бары сидели, соловьем за сокой разливался, а когда мы втроем оставались (нас всёх на одну квартиру перевели) так он сначала все смотрит и под окно походит и за дверь раза три заглянет, а уж тогда начнет пить с нами и загворяется. Только тонкая шелупь был. Начнет хвалить сокою, лучши наверху раскалывать, а выходит, что его похвала хуже всякой ругани. Начнет меня хвалить, а я вёдь похвал, как берёста на огнё, корчусь. „Молодцы, — говорит,—сокою вы сделали: хоть бы вас (меня, то-есть) взять. Вёдь на мужиков будете? Ну, вот мужики, без господской то земицы, лебеду да кору жруг, а мы каждый день винцо попиваем да мясом закусываем. Опо, сказали по правдё, так, конечно, там за мужиков надо стоять, а вы вона как за господ-то радеете. Не сломали, то-есть, а дёлом. Вот это и значит, что вы настоящие патриоты. Потому вёдь помёщики царю-батюшке опора, он и вёзёт все на нас плательщиков, а мужики — извёстно — сиволапые, вот он и велит их в черном тёлё держать. Вот, значит, по царскому приказу, вы за бар против своих идете. Все равно, как в старину опричники, что с собаками головами на палках да с метлами около царя ёздили, от отца и матери отрекались, от всего люда крещеного зачуровывались, так и вы, значит. Честь вам и слава патриоту,—говорит. Выпьем за вашу доблесть!"

Ах, шут его возьми!

И уж трезвенный волк был. Насмотрёлся у нас на всяких сыщиков. Боялся, не из сыщиков ли новый знакомый будет и со всёх и просекаем принимался. Не мог я понять его. Только перед самым дёлом, когда, можно сказать, было, посмотрёл он на меня да уж без усмёшечки и говорит: „Ну, знаете ли что? Езжай и завтра не найду на дёло, так меня через три дня повёсить можно. И сока ваш непременно повёсит меня. Если на мокое тёмное дёло, а на вашем бы вместё и бы шишку в сокину да на вожжи. Не надо ли денег?", а сам деньги вынимает. И тут я, говорит Иван Небёсный, не понял его. Он грустное стал посмотрёл, покачал головой, подошел и не стал разговаривать.

Конечно, если бы я тогда понял меня вспомнил, а бы не что это не чугунный, вёшком бы ушел.

Недёли через две по прёхал новеньк меня в богатую квартиру. Кажись по мне два важные господина и рассказали, что от меня надо требует. Надо было, чтобы я на нучера был, отвез меня куда-то двое молодцов к квартирё одного доктора, а когда они вёдь я от него, дорого так их на вожжи достанал. А сам потом будет, и другое указанное вёсто отвез. Потом я должен сесть тихонь и продолжу окному человёку, переодёнусь у него в другое платье и не заходя домой, вёхать на другой вокзал и... Конец

Помните Геосимиевский сад—„душа моя болит смертельно", „отче, если бы ты благословил прочесть чашу сію мимо меня", „и бысть пот его, как капли крови, падающия на землю".

Убивают человёка, как вёбстую, режут собаку, и приказывают ни тёй нарять его тёло. Но еще уже государственный церемоний, мертвой казни, приёмлемой многими правительствами. Какой бесчувственный уходил выдумал это подло похоронг! Колесница, скипидар, вина и трауфт. гроб, саван, надгробный на живого человёка... Все это видит здоровый, полный сил человёк, видит этот помнар тот день, а впереди ждет страшная смерть от палачей, вёсящих или плаху!

Смертная казнь преступнёе простого убийства потому, что простого убийцы грозит наказание, а смертную казнь совершает преступление и вправе ли она отомстит, тогда как судьи—убийцы и палачи получают за свои безчеловёчныя убийства деньги—плату крова. С этой точки зрёния даже убийство из-за

---

*) См. №№ 48, 49, 50 51, 52, 53 „Буревёстника".

Падшая.

Во мглѣ вечерняго тумана
Бредетъ по скользкимъ мостовым,
Дитя любовнаго обмана,
И смотритъ взоромъ нежнымъ.
И давитъ мрачныя громады
Домов; холодный изъ ограды
Не кинетъ в сердце лучъ отрады.
Потухшій взор не оживитъ.
Надеялы юныя разбиты,
Во власть разврата отдалась
И слястолюбцы-паразиты
В ея объятьях своду страсть.
За деньги жадно уголяютъ.
И сворой хищников-звѣрей
Святыя чувства попираютъ,
И надругаются над ней.
Ужель несчастное созданье
В порокѣ непробудно спитъ?
Ея потухшее сознанье
Ей ничего не говоритъ.
О, нѣтъ! Безумное страданье
Терзаетъ сердце ей тоской,
Терзаютъ ум воспоминанья
О прошлом юности святой.
Чиста, как снѣгъ вершины горной,
Мила, прекрасна и рѣзва
Цвѣла она красой задорной,
Надежд и радостей полна.
Как птичка рѣзвая, порхала
Весь день до вечера с утра
И звонкой пѣсней оглашала
Свой домик. Свѣтлая пора!
Гуляла по лугам росистым,
Рвала душистые цвѣты,
Под пѣнье птичек голосистых
Таила юныя мечты.
И мір был свѣтел и прекрасен
И жизнь, как тихая рѣка,
Текла, но рок ея ужасный
Стерегъ—нещадная рука
Судьбы-злодѣйки жизнь разбила,
Ее толкнула в жизни грязь,
Навѣки младость погубила
И дивный свѣт очей погас.
Пошла, гонимая нуждою,
Она не твердою стопой,
Борясь с постигшею бѣдою
Терниетой, тяжкою стезей.
Нужда жестокая терзала...
Улыбка пошлаго лжеца...
Несчастный миг... Она рыдала
В об'ятьях жарких подлеца,
Служа минутною забавой,
Не долго пожила она
В чертогѣ подлеца, и скоро
Из дома прогнана была.
Во мглѣ вечерняго тумана
Бредет по шумным мостовым
Дитя любовнаго обмана
И смотрит взором нежным.

М. Андрюнин.

тки жалѣя людскую и оставаясь только тѣм равнодушно убійством.

Смертная казнь преступнѣе убійств, так как в этом случаѣ убиваетъ человѣка, ставшаго безопаснымъ. Убивать же безвредное, а тѣмъ и тому же человѣческое существо не только подло, но и глупо. Поэтому смертная казнь безсмысленна, а тѣмъ стое убійство, совершенной-нибудь, хоть подлый смыслъ имѣетъ.

Смертная казнь, это—простое жертвоприношение безобразному идолу—государству.

Гдѣ существует смертная казнь, то и в обычное время, как это было в Англіи, и в смутное революционное время людей казнятъ за самые ничтожные преступленія. Правители часто сидятъ от казни в ченной имъ власти и от безнаказанности властите произвола. У них появляется часто звѣриная жажда крови, стремленіе людобья и человѣческому мясу: тогда за людей, то душат веревками, перерѣзаютъ горло, то пробиваютъ грудь головы, сердца, тѣла кусками сикла. Убиваютъ и преступников, и несчастных людей, и людей, стоящих на пьедестале общественного и нравственнаго развитія, как кровожадные судьи.

Под видом смертной казни часто производятся в смутное время и убійства по за счетов правительствъ с их непрятелями.

Имѣется еще один неотразимый довод против смертной казни и если бы не было другого, то его одного было бы достаточно для отмѣны этого дикаго и безумного нападенія. Людям свойственно ошибаться. Не рѣдко казнят невинно осужденных и тогда всѣ судьи, от самых невинных до самых высших, имѣющих возможность смягчить приговор, дѣлаютъ все отъ них зависящее, для осмысленнѣйшую неспособность. А такіе преступленія судей, инпекторо называемыя судебными ошибками,—не рѣдкость. Сколько честнѣйших людей напасно и по ошибкѣ, да без какой бы то ни было вины не только против людей, но и противъ закона. Чиновниками осуждены и по их приказу убиты палачами Христос, Сократ, многіе апостолы, отказавшіеся молиться на идолам. В средніе вѣки казнили в одних мѣстах вѣрующих в Бога иначе, чѣм учили католическіе священники, а в другихъ мѣстах казнили вѣрующих по-католически, иначе, чѣм учили протестантскіе священники. Сколько людей было осуждено и казнено за будто бы близкое знакомство с чертями, хотя чертей в образѣ человѣческом ни приходилось впервые увидѣть. попавшись на суд попов и монахов. Сколько ни в чем неповинных людей погибло, напримѣр, у нас в царствованіе Ивана IV-го, которого льстивые историки называли грозным, и которого слѣдовало бы назвать дьявольскимъ сифилисом существующим. Сколько людей при этом убійстве Николая II-го в эпоху его скоросѣлых казней, совершавшихся военными судами.

Если были бы самостоятельность „ставленников" теперь, ужъ есть „правительство" дѣлом, то они не увольняли бы служащих и не возвращались к старым саботажникам. Основой увольненія является „несоответственность, „непригодность" в дѣлѣ. Вруты Энонитесь, что говорите и что дѣлаете! Не'шляите нами, дѣтьми рабочих и крестьян!

Попадете вот общій бойкот всѣх рабочих и ваша карта будет дата нашедъ. Вы уже совершили и совершаете ложные (шутерскіе) хоцы, принимаясь саботажников, „бѣлых дѣтей", на старую должность, вас бросая на улицу.

Помните, что мы изъ рабочих и крестьян России возстаемъ против вас!

Дѣти рабочих и крестьян, будьте наготовѣ к предстоящим смѣнам. Ваши мѣста на бойкотом поместы чиновниками-комиссарами.

Будьте объединены всѣ дѣти рабочаго люда и не отстушайте отсвоих прав, гдѣ бы то ни им было!

Ваша работа должна чтитьсе. Берите, трудящіяся народа, свое дѣло сами в свои руки. Не сдавайтесь вашим Брутам. Народное дѣло народам творцам дѣтям рабочих и крестьян.

В.-Мер.

Наши Бруты.

Уже являются из подполья саботажники, уже принимаются Брутъ на мѣста в комиссариатах.

Наши „ставленники сверху" явно доказывают, что они неспособны к дѣлу, не умѣют руководить массой народа, теряются и спотыкаются в работѣ, чувствуют неспособнымъ себя без стыда и возвращаются к помощи тѣх, кто были предателями народного дѣла с. саботажниками. Просмотрите списки служащих, и вы увидите не одну фамилію саботажников врагов народного дѣла, его интересов. Саботажники, к общему удивленію, и теперь пользуются станками.

Да!

По сообщеніям из нѣкоторых комиссариатов, уже уволняют чуть не ⅓ часть служащих, набранных после октябрьскаго переворота, что уходя саботажникам, работникам рекомендованным заводами и врочими организациями.

Это, горе-комиссары!

Неужели хотите быть Брутами? 25 октября вы с виноватым и сконфуженным видом уголяли чиновников Керенскаго.

Кричали о помощи народно из рабочих и крестьян.

Они явились!

Но теперь „товарищи псевдобольшевики"—комиссары увольняют народных служащих и выплачивают „щедрой руков" из народных денег за 1½ мѣсяца вперед.

Не подлость ли это?

Не глупость ли это? Теперь, когда вам должна быть ваша, вы занимаетесь—она „ставленниками" тормозится, разрушается.—Брутъ-Ставленникъ сверху не только плохіе практики, но и теоретики зеленаго стола—т. е. кинцелярии и общей остановки экономическаго строя страны. Тѣ „ученическія цифры" кои они диссертируют перед „высшими лицами", совсѣм ложны и пусты и глупы, на коих нельзя базировать экономическое строительство страны.

Если были бы самостоятельность „ставленников" теперь, ужъ есть „правительство" дѣлом, то они не увольняли бы служащих и не возвращались к старым саботажникам. Основой увольненія является „несоответственность, „непригодность" в дѣлѣ. Вруты Энонитесь, что говорите и что дѣлаете! Не'шляите нами, дѣтьми рабочих и крестьян!

Попадете вот общій бойкот всѣх рабочих и ваша карта будет дата нашедъ. Вы уже совершили и совершаете ложные (шутерскіе) хоцы, принимаясь саботажников, „бѣлых дѣтей", на старую должность, вас бросая на улицу.

Помните, что мы изъ рабочих и крестьян России возстаемъ против вас!

Дѣти рабочих и крестьян, будьте наготовѣ к предстоящим смѣнам. Ваши мѣста на бойкотом поместы чиновниками-комиссарами.

Будьте объединены всѣ дѣти рабочаго люда и не отстушайте отсвоих прав, гдѣ бы то ни им было!

Ваша работа должна чтитьсе. Берите, трудящіяся народа, свое дѣло сами в свои руки. Не сдавайтесь вашим Брутам. Народное дѣло народам творцам дѣтям рабочих и крестьян.

В.-Мер.

Не сговорились.

В среду, 27-14 февраля, в газетѣ „Правда" была помѣщена статья „Колебляющіеся", гдѣ говорится, что меньшевики не сговорились, чтобы выступать вмѣстѣ против Русской революціи.

Они никогда не могут сговориться, потому что если они сговорятся задавить русскую революцію, то утонетъ в рабочей крови, которой не из них придется вымывать с головы из кровавой побѣды, кровавого пира. На могут их свободно между собой, ибо дѣлежей из-за него Русскаго раздѣла, то могут они между собой устроить кровопускание.

Вѣдь они уж и сейчас с неуважаемые медвѣдки сговариваются дѣлить шкуру, и кому больше достанется.

Германское командство и генеральство сейчас идет в наступленіе на Петроград, несмотря на наше согласіе принять самые тяжелыя условія мира, потому они спѣшат к наступленію, чтобы задушевать свои внутренніе безпорядки, восстанія голодных рабочих и потому с радой заключили сепаратный мир, чтобы успокоить возставших рабочих, затянуть их горло украинским хлѣбом и еще потому начали наступленіе, чтобы в Россіи не знали, что у них армія ослабѣла и не хочет подчиняться желѣзной дисциплинѣ и не приходится, как и у нас Керенской наступленіи Керенскій разстрѣливал полки, которые не хотѣли идти в наступленіе.

Как у нас Керенскаго погубило это наступленіе, явилось роковым для него, так и для Вильгельма оно явится роковым, его погубит Наполеон имя в Москву императором, он Москвы увидѣл бы Петроградъ Керенскій, чтобы скрыть от Германіи слабость нашей арміи повел наступленіе, и этим наступленіем не только серьез, а еще больше открыл слабую сторону, у которой не насыл, так и Вильгельму с Гинденбургом придется открыть слабую сторону.

Мы помним, что когда в германском флотѣ произошло возстаніе, то Вильгельм разстрѣлял зачинщиков, а потом чтобы скрыть это, повел на морѣ наступленіе и пытался доказать, что флот вѣрен ему; и в настоящее время у него тактика военная как же с помощью калединцев и казаков свои дѣла кончить, что нужно избавиться и его погубит.

Но Франціи и Англіи империалисты они показуй не очень сочувствуют падѣнію Вильгельма и возстанію в Германіи, ибо имперіи Россія пала и при совѣтской власти народной в Россіи будут больше захвачены Францією и Англіей, и поэтому из за дѣлежа русских рынков они могут между собой передраться.

Президент Америки Вильсон уже видит могущій произойти мой и захват германскими имперіалистами рынков. И он уже в своей рѣчи, в своем отвѣтѣ к центральным державам, это указывает.

Русские промышленные рынки предлежат всѣх имперіалистов, как громадным сбытом, так и большим количеством сырья. Если бы даже Россія изчѣзла в корчѣ финансовую систему и не признала бы ни одного внѣшняго займа, то Англія и Америкой всѣ сосѣдніе страны будут зависимыть у нас, потому что они без наших рынков и сырья обходиться не могут.

Когда несостоятельные кредиторы обьявляет себя банкротом и отказывается платить 10 проц. за отбль, то всѣ предиторы по одиночкѣ опять открывают ему кредит, лишь бы найти сбыт своему товару или обмѣнять на его товар.

Крестьянин Рог.

Свобода демократической республики.

Говорить о том, что во Франціуской демократической республикѣ царит свобода, это значит насмѣхаться надъ потрѣбленіем людей. Не говоря даже о времени последней войны, и до нея фран-цузская свобода и французскій судъ, при каком покровительствует министерской и законодательной власти, убили ту тѣнь свободы, которой пользовался себѣ жечтать сам о счастіу существующем. рабочіе Франціи.

Странное впечатлѣніе производит на свѣжаго человѣка такая пишр, не так уже рѣдкая в Парижѣ сцена: спокойно идут рабочіе, занимающіе в своем желѣзнодорожномъ рабочем союзѣ, получать большій заработок изучествованіе при открытіи музеїнка на могилѣ наших товарищей или возвращающіеся с похорон. Они выкидуют красный флаг, занѣвая рабочую мѣсню, и вдруг появляется толпа городовых, они бросаются на рабочих, бьют последніх со всего размаха, иногда тѣмъ, самым флагом, бьют ногами и палкой).

Вальяи, один из извѣстных людей Франціи, на время процесса Petit и Torre в 1910 г. характеризуя полицейских, которые, закрывая глаза, вѣрят лишь обвинительному акту, Франціуской суд. „И знаю я Европу,—говорил он,—только одну страну—Россію, которая обложена поповской цензурой рабочих и терьмѣ и штрафом.

Трудно представить себѣ более жолтые предлоги, чѣм тѣ, которые служат во Франціи основаніем для ареста забастовщиков. В 1911 г. например, секретарь союза строительных рабочих был предан и за Рошель суду по обвиненію в том, что он угрожал и насиліем мѣшал работать стачкомкам. Судьи-ми пришлось признать, что он не употреблял ни угроз, ни насилій. Было даже установлено, что он пытался напасть на одного из стачкомов. Тѣм не менѣе, суд приговорил его к 12-ти дневному заключенію в тюрьмѣ, мотивируя свой приговор тѣм, что всякій рабочій, находящійся в толпѣ рабочих, употребляющих угрозы и насилія, считается виновным, если не заявил о своей несолидарности с этими рабочими. Суд Франціи не постѣснялся ввести в данном случаѣ круговую поруку древности.

Далее нас, русских, видящих виды, французскій суд, раз хлѣб идет о бастующих рабочих, поражает своим неправосудіем. Вот, напр., суд в Гаврѣ за в 1910 г. Жандарм и другіи говорят, что первым обругался забастовщик. Один за другим выходят 12 свѣдѣтелей, говорящих, что первым обругался полицейскій чиновник. Всѣ они опять-таки арестуются по приказу прокурора, разсчитывающаго запугать свидѣтелей и утверждающаго поэтому, что они говорят неправду. И тѣм не менѣе, обвиняется через нѣсколько дней, так как, очевидно, что они показывали по совѣсти. Во все время засѣданія председатель ведет себя, как явно пристрастная сторона в дѣлѣ**).

Бросить рабочаго в тюрьму на основаніи обвиненія в несуществующем преступленіи, продержать его там нѣкоторое время, а потом выпустить—это совсѣм просто даже для правительства Франціуской демократической республики, что доказывается, между прочим, арестом секретарей рабочих союзов лѣтом 1908 г. Французское правительство доходило до того, что молодых дѣвушек—участниц таковых засѣданій—сажало в тюрьму, где содержались простытутки, и обращение с этими дѣвушками было возмутительно (отчаяніе колорсетов в Каннѣ). При министрѣ-президентѣ А. Бріанѣ было принято соціалистической партіей, забастовщики содержались в тюрьмах на положеніи уголовных преступников.

Ни с того, ни с сего арестуются и задерживаются при этом рабочіе, борцы за рабочее дѣло, арестуются только потому, что полиціи знает их за врагов буржуазнаго строя общества.

Во Франціи принимаются исключительные законы против антимилитаристической и анархической печати, законы, пронаные рабочими соціалистами и полными Сотрудники антимилитаристической и анархической печати, по обвиненію в подстрекательствѣ к солдатам к „Социальная война" с 25 декабр. 1908 года судилось 8 раз и было приговорено более, чѣм к 12 го

*) Бывали случаи даже назначенія городовых на потребленіе процесса, как, напр., в 1911 г. по делу Мерье, где присяжные, чтобы не слышать показаній городовых, заткнули уши ватой. Председатель суда, видя, что ничего не помогает, приказал городовым выйти из залы.

**) Вот характерное письмо Гюсюбу, главнаго редактора газеты „Поносная Трибуна". „Гюрьма 1911 года. 12 іюня 1911 года. Редактор и дорогой товарищ! Меня будут судить по литературному дѣлу 15 іюня в 11 часов утра „Дом чтоб ли ресіре" на мой процесс: более 17-ти мѣсяцев не имѣл произвольно держат в тюремной камерѣ. Я не могу добиться объясненія дѣла: ово откладывается безпрестанно

во Франціи, или иначе, апрѣлемъ-тюремьемъ.

Замѣтимъ кстати, что правительство не переполняетъ тюрьмами Франціи частными тюрьмами, что было удостовѣрено изъ Алжира.

Нечего говорить, что правительство смотритъ на менѣе умѣющихъ, какъ на своихъ потерныхъ слугъ.

Чиновникомъ, осмѣлившимся симпатизировать освободительному движенію рабочихъ, гонятъ со службы, хотя и основнымъ французскимъ закономъ именно, что нельзя преслѣдовать человѣка изъ-за убѣжденій. Мелкіе чиновники—тѣ же рабочіе, какъ напр., почтовые служащіе, лишены права стачекъ. За періодъ 1906—1910 гг., за неправильностью увольненія, какъ-то: строгими и репрессіи. Въ центрѣ телефонной сѣти поставлены такъ называемые „столы слушанія", позволяющіе подслушивать разговоры служащихъ и публики. Въ этомъ качествѣ царитъ произволъ, такъ что почтовымъ служащимъ было запрещено писать въ газетахъ и участвовать въ правленіи кооперативовъ. Царитъ репрессія, так какъ служащихъ увольняютъ и переводятъ на низшія должности за выступленіе начальству противъ. Во Франціи нѣтъ республика должности и нѣтъ подавленія свободы до комизма. Запрещаетъ, напримѣръ, исполненіе нѣкоторыхъ пѣсенокъ „с разрушительными тенденціями" и сажаетъ пѣвцовъ и тюрьму, а городскимъ совѣтамъ, чуть-ли офиціи рабочихъ организацій, хотя по закону и не могутъ дѣлать этого.

Иностранцы рабочіе, протестующіе противъ нарушенія обѣщаній данныхъ имъ при приглашеніи на работы во Франціи, администраціею высылаются изъ предѣловъ республики за это репрессіи. Законы о несчастныхъ случаяхъ, раз нѣло идетъ объ этихъ иностранцахъ, постоянно нарушаются, при чемъ постоянно допускаются чудовищныя злоупотребленія относительно и изчитаемыми иностранцами рабочими.

Федераціи организованныхъ рабочихъ по металлу писала, что для рабочихъ иностранцевъ „нѣтъ никакой гарантіи с точки зрѣнія свободы, нѣтъ права предъявлять требованій".

Насколько милостивы и справедливы во Французской республикѣ законы для бѣдняковъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго факта. Нѣкая Жанна Рузьеръ, родившаяся 20-го Жанта 1859-до года, была осуждена 20-го Жанта 1879-до года. Была освобождена 20-го Жанта 1879-до года. Въ 80-му же Октября 1909 г. она была осуждена судьями за нищенство, ненайденіе жилища (это тоже кается в демократической Франціи), за нахожденіе в тѣ мѣстности, откуда полиціей ее не выгоняли, за отказъ уѣхать по адресу городовых и за другія мелочные поступки 99 раз и отбила 22 года тюрьмы. Она не совершила ни одного серьезнаго преступленія (из 99 остальной только три были произнесены за кражу съѣстныхъ припасовъ на три мѣсяцы). Из этих 22 лѣтъ тюрьмы она отбыла 11 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 15 дней за нищенство, ненайденіе жилища и денег. Ни-каково этой женщины состоялось в том, что она нѣла и ей давали за это деньги. Однако время заключенія она отбыла, главнымъ образомъ, за то, что возпрашивалась в Лион (где судьи не позволяли ей жить), послѣ того, как ее выгоняли из других городов.

Мы не будем говорить здѣсь о тѣхъ ужасахъ, о тѣхъ позорныхъ подлостяхъ дѣлили, которыми сопровождались французскими чиновниками въ колоніяхъ. Эти позорящіе человѣчество поступки не могутъ считаться исключительно рѣдкими и таковыми, которые не могли бы быть прекращены центральной властью.

В тѣ моменты политической жизни, когда эксплуататоры напуганы кѣм-либо, хотя-бы анархистами, бешеномъ управляется что-либо, похожее на свободу. Послѣ покушенія анархиста Аперто были сожжены политическія приговоры Парижа и окрестностей и выданы были инструкціи и полиціи свобода дѣйствій. Со слѣдующимъ же дня политическіе преступники работу: еще до расчета они арестовались и дано, взамѣнъ имъ распредѣлили сундуки, шкафы, кто-

ворили, что выдавали ихъ руку и различныя фамилъ и угрожали по адресу кожаев. Эти охота на анархистовъ длилась около мѣсяца и кѣлась по всей Франціи, даже в колоніях (были аресто в Алжирѣ). Тюрьмы были переполнены, народ терроризованъ, как в Парижѣ, так и в провинціях. Никого не смѣя открыть рта, ни-кѣлись читать газеты, принимать друзей, переписываться с товарищами. Письма вскрывались, велись тщательные розыски и слѣдствія: рабочих преслѣдовали и придирались по всѣмъ пустякамъ, только-бы не сказано было, — тюрьма, каторга, ссылка".

Нѣтъ ничего удивительнаго, что в 1913 году десятки секретарей рабочих союзов и синдикатов подвергались и тюрьмам Франціи.

Из всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что во французской демократической республикѣ не существуетъ неприкосновенности личности, жилища и корреспонденціи, что свобода печати, а тѣмъ болѣе, и соглашенія с Анжильеромъ Чипріани: „даже народы, которые идутъ во главѣ такъ-называемой цивилизаціи,—писалъ он и 1908 году,— могутъ сказать, жилѣнно нѣкоторыя мѣст и нѣкоторыя, что только нѣсколько времени тому назадъ доблестный русскій народъ имѣлъ двухъ свободу собраній, но войска окружаютъ мѣста собраній; нѣлъ даютъ свободу слова, но цензура остается: свободу ограбованія, но увѣряютъ насъ, что только нѣсколько времени тому назадъ доблестный русскій народъ имѣлъ двухъ свободу личности, но тюрьмы переполнены... Нѣлъ дано всѣмъ, но мы не имѣемъ ничего".

А. Д.

Телеграммы.

Соціалистическій конгрессъ в Норвегіи.

КОПЕНГАГЕНЪ, (ПТА). На открывшемся в пятницу в Христіании соціалистическомъ конгрессѣ присутствуетъ большое количество делегатов от рабочих и крестьян всей Норвегіи. Открытію конгресса предшествовала грандіозная устроенная демонстрація. На конгрессѣ присутствуетъ представительство отъ шведскихъ лѣвыхъ соціалистов и секретаріата циммервальской конференціи. Шведская социал-демократія представила секретаря партіи Мѣллер, датская—Ботилсенъ. Отъ имени Бауэра, который, какъ и Ленинъ, отказался пріѣхать в Скандинавію, Большинство конгресса—синдикалисты, ставящіе очень высоко итог борьбы русскаго большевизма.

КОПЕНГАГЕНЪ, (ПТА). На конгрессѣ в Христіании сѣлалось 30 делегатов Отъ большевиков-меньшевиков приглашать для участія в работѣ конгресса представителя Российской Совѣтской Республики тов. Воровскаго, находящагося в настоящее время в Стокгольмѣ.

Конгресс норвежской с.-д. партіи.

СТОКГОЛЬМЪ. Конгресс норвежской с.-д. партіи постановил 150 голосами против 112 пригласить представителей шведскихъ лѣвыхъ и Воровскаго.

Новый наборъ во Франціи, поведеніе парламентскихъ соціалистов.

ПАРИЖЪ, Палата депутатов постановила приватъ под знаменем военнаго времени 1919 года. До голосованія этого решенія представитель радикальной партіи Бюиссонъ заявилъ, что он и его единомышленники будутъ голосовать за законопроект не потому, что они отказываются от своей программы, а потому, что считаютъ, что обстоятельства требуютъ подтвержденія последнимъ всѣми для спасенія родины. „Если бы я могъ надѣяться,—сказалъ Пресснаи,—что слова мои будутъ услышаны в Германіи, я промѣнъ голосовъ заявилъ бы, что несмотря на весь наш пацифизмъ, мы никогда не согласимся на мир, подобный русскому".

Призыв под знаменем военнаго времени 1919 года принят 490 голосами против 6, из них 3 голоса соціалистов-интернационалистов.

Политическія репрессіи во Франціи.

ПАРИЖЪ. За пропаганду и подкуп нѣли приговорены к 5 годам тюремнаго заключенія уроженца Кіева Бріофъ.

Аресты в Японіи.

ТОКІО (ПТА.) Получено почтой. Японскими правительствомъ производятся аресты среди мѣстныхъ соціалистов. Изъ нѣли арестованныхъ извѣстные японскіе соціалисты Госіо-Сакаи, Мюи-Футуда, Такэ-Футада, Ямакэдо-Ватанабэ. При арестѣ были конфискованы прокламаціи. Поводом к аресту нѣлися предполагавшійся митингъ в парижѣ Сибо, составляющій соціалистическую партію десятилѣтнему режиму установленному правящими классами Японіи.

Еще не все кончено.

СТОКГОЛЬМЪ (ПТА). Выяснѣется преждевременность сообщенія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газет о подписаніи с Тумминей мира: мирнаго не подписано, хотя фактически все, повидимому, закончено.

По Россіи.

Земледѣльческая коммуна в Туркестанѣ.

В Ташкентѣ образовался первый соціалистическій колонизаціонный поѣздъ. Цѣль его: осуществить коллективную формулу землеполозованія на соціалистическихъ началах. Ближайшія формы дѣятельности нам'ѣчаются общимъ собраніемъ, оно же избираетъ и лиц для исполненія, „Сов'ѣта". Послѣ земельнаго, затѣмъ с приходом семей, будетъ устроен для каждой семьи отдѣльный домъ с двором, но которомъ членъ в свободное времяможетъ бы лично и самостоятельно производить разнообразные сельскохозяйственные опыты. Кромѣ земли